

Из-за землетрясения школа в понедельник была закрыта, что позволило Ли Тану провести долгожданное ленивое утро. Проснувшись и проверив новости, он узнал, что сообщалось только о пострадавших, погибших нет, что мгновенно подняло ему настроение.

Умывшись и спустившись вниз, Ли Тан подумал о сэндвичах, оставшихся в холодильнике, которые он мог взять с собой. Вчера вечером он согласился помочь Цзян Лу заделать трещины в стенах дома, а это означало еще один день, проведенный с Цзян Лу. Эта мысль вызвала на его лице несмываемую улыбку.

Однако его хорошее настроение длилось недолго.

Когда Ли Тан спустился на первый этаж и увидел Ли Юаньшаня, сидящего на диване, уголки его губ быстро опустились.

Ли Юаньшань тоже был суров.

— Ты проспал землетрясение до полудня. Неудивительно, что твои оценки не улучшаются.

Он, должно быть, слышал о результатах предыдущего ежемесячного экзамена.

Ли Тан не винил мать за то, что она ему рассказала: в конце концов, экзаменационные работы были разложены на столе во время родительского собрания. Ли Юаньшань не хотел знать ничего такого, что было тайной.

Ли Тан промолчал и направился напрямиком к холодильнику.

Увидев, как Ли Тан достает сэндвич, Ли Юаньшань высказал свое мнение:

— Я только что с самолета и еще не завтракал. Давай поедим вместе.

На мгновение остановившись, Ли Тан не имел иного выбора, кроме как положить сэндвич обратно.

Десять минут спустя они сели за стол, и Чжан Чжаоюэ присоединилась к ним за обеденным столом, создав редкую встречу трех членов семьи.

За едой Ли Юаньшань спросил о вчерашнем землетрясении, и Чжан Чжаоюэ ответила:

— Ничего серьезного. Землетрясения в Сюйчэне случаются часто, и местные жители к ним привыкли.

Ли Юаньшань фыркнул:

— По-моему, здесь плохой фэн-шуй. К счастью, я не перенес сюда свой офис. Вчера я даже не смог купить билет на самолет и провел ночь в аэропорту.

В его словах слышалось презрение к Сюйчэну, но Чжан Чжаоюэ не проявил особой реакции. Опустив глаза, она зачерпнула ложкой немного каши из миски, ее голос был спокойным.

— Этот маленький городок не идет ни в какое сравнение с императорской столицей. Если в следующий раз случится что-то подобное, не торопись так спешить домой. Безопасность превыше всего.

Услышав эти слова, Ли Юаньшань почувствовал облегчение. Затем он начал расспрашивать о результатах вчерашнего медицинского осмотра. Чжан Чжаоюэ заверила его, что все в порядке, и он кивнул, повернувшись к Ли Тану.

— Школа сегодня закрыта. Куда-то выходишь?

Ли Тан жевал распаренную булочку, похожую на воск, когда услышал это, и ответил простым «хм».

Ли Юаньшань действительно не хотел, чтобы он выходил.

— Разве ты не всегда цепляешься за свою мать? Теперь ты все время бегаешь по улице.

Ли Тан вспомнил, как Ли Юаньшань жаловался, что он слишком привязан к матери и ведет себя не по-мужски. Он посоветовал ему чаще выходить из дома и заводить друзей.

Когда Ли Юаньшань заметил рану на руке Ли Тана, он нахмурился еще сильнее.

— Что случилось с твоей рукой? Ты что, подрался в школе?

Прежде чем Ли Тан успел что-либо сказать, Чжан Чжаоюэ вмешалась в его защиту:

— Вчера, во время землетрясения, он защищал меня и случайно обо что-то врезался. Он такой хороший мальчик; как он мог с кем-то подраться?

Лицо Ли Юаньшаня расслабилось, а тон смягчился.

— Тогда отдохни сегодня дома. Даже легкая травма — это все равно травма.

Ли Тан не нашелся что возразить и мог только согласиться.

К счастью, Чжан Чжаоюэ помогла ему скрыть ложь; иначе Ли Юаньшань копнул бы еще глубже. Даже если бы Ли Тан объяснил, что все произошло по его собственной неосторожности, он бы не избежал нагоняя. Например, про падение? Как мальчик может быть таким хрупким?

Ли Тан не знал о других семьях, но в их доме Чжан Чжаоюэ всегда помогала ему избегать неприятностей с самого детства. Несмотря на смутные воспоминания, Ли Тан не мог забыть, как Чжан Чжаоюэ вставала на его защиту, когда его били в детстве, или как она умоляла о снисхождении, когда его запирали в темной комнате, говоря: — Если так будет продолжаться, это погубит ребенка.

Рядом с Чжан Чжаоюэ Ли Тану не нужно было лгать.

Хотя теперь ложь вошла у него в привычку.

Возможно, именно поэтому он не смог уйти от матери и стал маменькиным сынком.

Ли Тан опустил голову и зачерпнул немного каши из миски, чувствуя облегчение, но не в силах скрыть своего разочарования.

Ему нужно было послать сообщение Цзян Лу, сообщив ему, что он не сможет приехать.

Неожиданные каникулы пролетели быстро. На следующий день, спускаясь вниз с рюкзаком, Ли Тан увидел у входа Ли Юаньшаня, готовящегося к выходу.

Он уже собирался спросить, куда идет, как Ли Юаньшань ответил без подсказки:

— Я иду с тобой в школу, чтобы познакомиться с учителями.

Чжан Чжаоюэ, как ни странно, провожала их, когда они сели в машину. Ли Юаньшань опустил стекло и сказал Чжан Чжаоюэ, стоявшей снаружи:

— Мы обо всем позаботимся. Не волнуйся.

Ли Тану показалось это странно. Ли Юаньшань уже знал все о его академической ситуации. Что ему нужно было лично решать в школе?

Ли Юаньшань, очевидно, не собирался держать Ли Тана в курсе. В школе Ли Тан отвел Ли Юаньшаня в кабинет, где работал его классный руководитель. Ли Юаньшань пожал руку

учителю Лю и обменялся любезностями еще до начала разговора. Затем, бросив на Ли Тана быстрый взгляд, он сказал:

— Возвращайся в класс и усердно учись. Не заставляй других постоянно волноваться.

— ...

У Ли Тана не было иного выбора, кроме как покинуть офис.

Позже Ли Юаньшань ушел во время перерыва между занятиями.

Прежде чем уйти, он встал у входа в класс № 1 и № 2 и оглядел аудиторию, глядя не только на то место, где сидел Ли Тан, но и взглянув на заднюю парту.

Ли Тан узнал это знакомое выражение нетерпения, которое проявлялось, когда он сталкивался с неприятными делами.

Но сколько бы Ли Тан ни размышлял, он так и не смог понять, чем он снова расстроил Ли Юаньшаня.

Мог ли учитель Лю рассказать Ли Юаньшаню о его нежелании участвовать в утренней зарядке?

До этого не должно было дойти.

Во время затянувшейся перемены между вторым и третьим уроками Ли Тан намеревался встретиться с Цзян Лу на утренней зарядке. Однако, когда они выстраивались в коридоре, кто-то громко крикнул:

— Цзян Лу, учитель Лю хочет тебя видеть!

Цзян Лу покинул строй и направился в кабинет учителя.

Ли Тан, кряхтя и тяжело дыша, пробежал 1200 метров. К тому времени, как он вернулся в класс, Цзян Лу уже сидел на своем месте.

Достав телефон, Ли Тан отправил сообщение Цзян Лу:

[Что учитель Лю хотел от тебя?]

Цзян Лу не ответил, скорее всего, потому, что его телефон был выключен.

Жители Суйчэна, все еще потрясенные недавним землетрясением, забыли, что сегодня Рождество. Только молодежь, с энтузиазмом относящаяся к зарубежным праздникам, помнила об этом. Во время обеда некоторые одноклассники купили разноцветные воздушные шары. Надув их, они развесили их на дверях класса, оконных рамах и вокруг школьной доски.

Это стало для учителей большим сюрпризом, когда они вошли в класс днем. Услышав эту новость, учитель Лю прибежал к ним и отчитал их за то, что они играют, вместо того чтобы сосредоточиться на учебе. Но, несмотря на свои резкие слова, он не удержался и спросил, не осталось ли еще шариков, чтобы украсить учительскую.

После этого он объявил, что в этот день будет только одно занятие вечерней самоподготовки.

Класс взорвался от волнения. Перед классным руководителем ученики начали обсуждать, куда они пойдут после школы, и звук криков друзей наполнил воздух. Учитель Лю, изображая серьезность, постучал по кафедре:

— Мы отпускаем вас пораньше, потому что боимся повторных толчков. Праздником мы этот день не объявляли!

Конечно, это было всего лишь притворством. В конце года было много фестивалей, а молодежь любила развлекаться, и учителя, которые сами когда-то были молодыми, не хотели портить настроение ученикам.

Во время вечерней самостоятельной подготовки Ли Тан наконец получил ответ от Цзян Лу:

[Ничего важного]

Это был практически вообще никакой ответ. Ли Тан поджал губы и сосредоточился на главном, на праздновании Рождества. Он не стал настаивать.

Он спросил мнения Цзян Лу:

[После занятий давай вместе пойдем в центр города, хорошо?]

Ранее он проверил свой телефон и обнаружил, что торговые центры в центре города не пострадали и в тот день по-прежнему работали.

И хотя они встречались уже больше месяца, у них еще не было настоящего свидания.

Хотя Ли Тан по своей природе был домоседом, он все же хотел воспользоваться этой возможностью, чтобы поступить так же, как и другие пары, и провести время на свежем воздухе с Цзян Лу.

Однако Цзян Лу, похоже, не понял его намерений:

[Зачем идти в центр города?]

Ли Тан напомнил ему:

[Сегодня Рождество]

Цзян Лу:

[О, свидание]

Ли Тан не мог понять сквозь экран, что он думает: счастлив он или несчастен? Хотел ли он вообще идти?

У него не было другого выбора, кроме как продолжить расследование:

[Мы не будем смотреть фильм, а просто прогуляемся и найдем место, где можно поесть]

Подождав примерно пять минут, Цзян Лу ответил двумя словами:

[Звучит хорошо]

Чтобы избежать встреч с другими учениками, после занятий они наблюдали, как от задних ворот школы отходят два автобуса, направлявшихся в центр города. Они подождали, пока в воротах почти не осталось ни входящих, ни выходящих людей, прежде чем сесть в третий автобус, направлявшийся к торговому центру.

Неоновые огни вдоль дороги ярко сверкали, а в воздухе разносилась музыка. Люди в толстых пальто и ватных куртках суетливо бродили по улицам и переулкам. Атмосфера была настолько оживленной, что трудно было связать происходящее с землетрясением, произошедшим всего несколько дней назад.

Возможно, также было чувство облегчения после того, как мы пережили катастрофу.

Снова осознав, что люди — вид, способный забывать боль, Ли Тан медленно выдохнул из легких, оставив на окне белый туман.

К сожалению, он забыл, что праздничная атмосфера также подразумевает толпу.

Прибыв в торговый центр в центре города, Ли Тан был поражен бурным потоком людей еще до того, как вошел.

Все четыре входа торгового центра были открыты, и почти у каждого магазина висела табличка, сообщающая о работе до полуночи. Однако это не смягчало давления толпы. Снаружи торгового центра люди теснились плечом к плечу, а внутри было еще больше. Ли Тан и Цзян Лу поднялись на эскалаторе на третий этаж, намереваясь найти ресторан, чтобы поесть. Однако все рестораны были полностью забронированы. Когда они спросили у персонала на входе, сколько времени придется ждать, им ответили, что, по их оценкам, больше двух часов.

Было уже почти девять вечера. Ужин в одиннадцать вечера больше походил на поздний перекус, чем на полноценный ужин.

В зале игровых автоматов было еще больше народу: люди, проходя мимо, дрались за право воспользоваться одним-единственным игровым автоматом. Даже магазины одежды были забиты до отказа, и у Ли Тана сложилось впечатление, будто он попал в туристическую зону в разгар сезона.

Он не забыл, что Цзян Лу плохо слышит в шумной обстановке и поэтому испытывает тревогу. Видя, что они кружат, не находя места, Ли Тан решительно отступил, крикнув Цзян Лу:

— Давай сначала спустимся!

Они спустились по лестнице через аварийный выход, чтобы избежать шума. На лестнице пряталась парочка, опасавшаяся суматохи, пряталась и целовалась на лестнице. Проходя мимо, Ли Тан старался не потревожить их, едва дыша. Когда они спустились на первый этаж и посмотрели в большое зеркало на стене, Ли Тан понял, что все его лицо залилось краской.

В это время выходило больше людей, чем входило, поэтому на первом этаже было относительно тихо. Смутившись, он опустил голову и продолжил идти. Однако, услышав звук из динамиков, Ли Тан замер на месте.

Прямо перед ними находилась главная сцена торгового центра. Возможно, это было представление, устроенное администрацией. В этот момент на сцене в три ряда выстроились около дюжины детей и пели.

Сначала они спели припев «Jingle Bells», а затем добавили: «Мы желаем вам счастливого Рождества».

Нежные и мелодичные голоса детей и их яркие, солнечные улыбки легко успокоили волнение

в сердце Ли Тана, принесся чувство покоя.

Ли Тан остановился перед сценой, чтобы послушать, а Цзян Лу встал рядом с ним.

Когда вторая песня подошла к концу, Ли Тан повернул голову и спросил Цзян Лу, слышал ли он когда-нибудь эту песню.

Цзян Лу наклонился к его уху и сказал:

— «Merry Christmas».

Затем, улыбнувшись ему, он спросил:

— Может ли учитель, пожалуйста, прокомментировать, является ли это произношение правильным?

Это было, безусловно, правильно, настолько правильно, что у Ли Тана загорелись уши.

Выходя, Ли Тан заметил, что у наружной витрины магазина жареной еды в очереди всего семь или восемь человек. Он тут же спросил Цзян Лу:

— А как насчет этого? Что думаешь?

Цзян Лу сказал «да», и Ли Тан бросился к нему, поспешно бросив:

— Подожди меня здесь.

К сожалению, на этот раз его расчеты снова оказались ошибочными.

Хотя у наружной витрины было немного людей, посетителей было предостаточно. Заказы готовились по очереди, так что, хотя Ли Тан казался восьмым в очереди, на самом деле перед ним было больше тридцати заказов.

Итак, Ли Тан стоял в очереди и ждал... ждал. Спустя целых двадцать минут наконец настала его очередь сделать заказ.

От заказа до получения еды прошло еще несколько минут. Наконец, спустя полчаса, он держал в руках свежеприготовленные шашлычки из жареного мяса.

Ли Тан пробежал весь обратный путь, но не смог найти Цзян Лу.

Оглядевшись, он нигде не увидел Цзян Лу.

Ли Тан запаниковал. Он громко позвал Цзян Лу, но в ответ услышал лишь странные взгляды незнакомцев и гулкую пустоту в глубине души.

Он начал пробираться сквозь толпу, одновременно набирая номер телефона Цзян Лу.

Никого не было ни на лестнице, ни в туалете, ни у сцены, ни в близлежащих магазинах... Он неохотно вышел на улицу. На просторной площади люди сновали туда-сюда, и найти хоть кого-то среди толпы было все равно что искать иголку в стоге сена.

Услышав гудки «занято», Ли Тан вдруг осознал, что вот уже семнадцать лет он, кажется, постоянно кого-то ищет. В детстве он искал свою мать, а теперь — Цзян Лу.

Однажды он услышал такую фразу: «Тот, кто по-настоящему любит, не заставит тебя волноваться». Но что это было? Почему он всегда искал и всегда боялся потерять?

Когда на звонок наконец ответили, Ли Тан почувствовал смесь облегчения и замешательства.

Он спросил:

— Где ты?

На другом конце провода ответа не последовало.

Кто-то сзади похлопал Ли Тана по плечу. Обернувшись, он увидел Цзян Лу, окутанного холодом, с большой пушистой сахарной ватой в руках.

Они вернулись домой на автобусе и сели на свое обычное место сзади у окна.

Ли Тан передал Цзян Лу бумажный пакет с жареными шашлычками.

— Сначала поешь.

Когда Цзян Лу взял пакет, его пальцы коснулись руки Ли Тана. Он на мгновение замер, не двигаясь. Ли Тан спросил его, что случилось, и тот, придя в себя, отдернул руку.

Ли Тану наконец-то представилась возможность рассмотреть сладкую вату.

В детстве Ли Юаньшань устанавливал строгие правила и не позволял ему есть такую уличную

еду. Поэтому Ли Тан только видел сладкую вату, но никогда ее не пробовал.

Вертя деревянную палочку в руке, Ли Тан затаил дыхание и сосредоточил внимание. Он задался вопросом, как может существовать еда, напоминающая облака, такая мягкая и легкая.

Текстура тоже была просто невероятной. Она таяла, едва коснувшись языка, не оставляя никакого следа, кроме легкого сладкого привкуса во рту. Создавалось ощущение, будто человек вообще ничего не ел.

Цзян Лу тоже наблюдал.

Он увидел, как Ли Тан пристально смотрит на предмет в его руке, сначала кружит его, а затем вытягивает язык, чтобы медленно и торжественно облизать его.

Он был настолько сосредоточен, что, казалось, пробовал не сладкую вату за пять юаней, продающуюся на улице, а дорогой деликатес с тремя звездами Мишлен.

Когда сладкая вата растворилась на языке, глаза Ли Тана внезапно расширились. Обернувшись, он воскликнул от восторга:

— Как сладко!

Неоновые огни снаружи отражались в его зрачках, а его лучезарная улыбка была ослепительной.

Цзян Лу не любил сладкое и отклонил предложение Ли Тана попробовать его.

Он открыл бумажный пакет с жареной едой. Вместе с ароматом масла в нос ударил резкий пряный аромат.

Запах был ошеломляющим, а вкус еще больше возбуждал. Цзян Лу откусил кусочек, медленно прожевал, а затем внезапно скривил уголок рта.

Ему нравилась острота. Обычный человек не смог бы съесть и кусочка.

Сколько же приправы они добавили? Неужели они высыпали туда целую бутылку порошка чили?

К тому времени, как они достигли подножия горы, где находился дом Цзян Лу, Ли Тан неохотно слизал остатки сахарной ваты, бросил деревянную палочку в мусорный бак у дороги, вытер руки салфеткой и последовал за Цзян Лу наверх.

Цзян Лу сказал:

— Не нужно меня провожать. Тебе следует поторопиться.

Ли Тан ответил тремя словами:

— Я уже здесь.

Поскольку он уже был там, почему бы не проводить его до самого порога?

Час назад смятение, вызванное невозможностью найти Цзян Лу, казалось, смягчилось всепоглощающей сладостью. В тот момент Ли Тану хотелось лишь остаться с Цзян Лу, пусть даже еще на одну минуту.

Как будто услышав его желание, как только они подошли к порогу дома Цзян Лу, с неба начался дождь.

В отличие от морозящего дождя двух предыдущих дней, этот зимний дождь был жестоким. Капли были крупными и густыми, падая, словно град. Ветер также был сильным, отчего окна яростно дребезжали.

Цзян Лу схватил из дома зонтик и раскрыл его.

— Пойдем, я тебя провожу.

На полпути вниз по склону они увидели владельца магазина, который размахивал им фонариком и кричал:

— Скользко и опасно. Не спускайтесь, пока не кончится дождь!

У них не было иного выбора, кроме как вернуться тем же путем.

Землетрясение, произошедшее два дня назад, разрыхлило почву вокруг. Проливной дождь в этот момент смыл грязь, покрыв несколько зеленых каменных плит, служивших опорами. Земля стала еще более скользкой и неровной, чем когда Ли Тан впервые пришел сюда, что затрудняло ему шаг.

Столкнувшись с натиском шторма, зонтик обеспечил минимальную защиту. Несмотря на то, что Цзян Лу наклонил зонтик в сторону Ли Тана, тот все равно был мокрым от дождя.

С трудом добравшись до дома Цзян Лу, Ли Тан остановился под карнизом у входа, вытер лицо и

произнес:

— У других на Рождество идет снег, а у нас идет сильный ливень.

Цзян Лу убрал зонтик, встряхнул его и поставил у двери.

— Вот почему я просил тебя не провожать меня. В Сюйчэне дожди идут почти полгода.

На самом деле Ли Тан не жаловался. Он просто считал, что снег и Рождество прекрасно сочетаются. Какая досада, учитывая, что в Сюйчэне снега не было.

Он не испытывал неприязни к дождю, особенно когда он позволял ему остаться немного подольше.

— Что нам делать... гээ? — сказал Ли Тан. — Я не могу вернуться.

Он впервые произнес это новое ласковое слово. Голос его был тихим, как жужжание комара, и он не был уверен, что Цзян Лу его услышал.

Произнеся это, он сначала смутился. Подняв руку, он коснулся уха и отвел взгляд.

Цзян Лу услышал это, услышал очень отчетливо.

Оттого, что это было так ясно, он вспомнил события того дня в школе. Классный руководитель вызвал его в кабинет и сообщил, что кто-то готов оплатить его обучение полностью до окончания университета. Неопишуемые чувства, которые он испытал в тот момент, нахлынули на него.

Как он мог не знать, кто спонсор? В то утро, когда Ли Тан и человек в костюме вышли из машины и вошли в кампус, Цзян Лу отчетливо их видел.

Он также стал свидетелем того, как мужчина, проходя мимо двери класса, взглянул так, словно на нищего на обочине или лишний мусор на станции утилизации.

Для Цзян Лу было ясно, как он получил этого «благотворительного спонсора».

Поэтому он отверг это предложение.

Он нашел это отвратительным.

Поэтому, столкнувшись с сыном этих двоих, Цзян Лу не смог сохранить спокойствие. Он даже отложил свои планы и ради мимолетного удовольствия хотел подшутить над ним, заставить его плакать и огорчить.

Но, стоя у торгового центра и видя, как Ли Тан отчаянно ищет его сквозь стекло, словно безголовая муха, а телефон в кармане непрерывно звонит. Это звонил Ли Тан. Он не почувствовал ни радости, ни удовлетворения. Наоборот, он почувствовал, что все это бессмысленно и совершенно скучно.

Одних слез было мало. Нужно было заставить его рыдать безудержно, низвергаясь с небес в ад.

Цзян Лу сдался на полпути. Он купил сладкую вату в ближайшем киоске и закончил игру в прятки.

Итак, стоя под проливным дождем, Цзян Лу услышал тоску Ли Тана и отреагировал соответствующим образом.

Протянув руку, он откинул в сторону мокрые от дождя волосы и встретился взглядом с мокрыми глазами лисенка.

— Тогда оставайся, — сказал Цзян Лу.

«Кто виноват, что тебе так легко угодить?»

«Кто виноват, что твои руки такие холодные?»

<http://bllate.org/book/13923/1226780>